

Шагдарова Дарима Лубсандоржиевна

БУДДИЙСКАЯ ЛЕКСИКА И ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА

Буддийские термины, как и лексика других религиозных конфессий, ныне востребованы, но большинство носителей бурятского языка мало знакомо с ними. По мнению автора, буддийскую терминологию следует изучать как стройную целостную систему, которую образуют тематические группы, подгруппы и микросистемы, при этом раскрывая их фонетико-морфологические и словообразовательные особенности. Ставится также задача исследования способов передачи на русском языке буддийских названий и терминов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 192-195. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Алтабаева Е. В. Концептуальные основания и системная организация категории оптативности в русском языке. Мичуринск: Изд-во МГПИ, 2007. 191 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001. 121 с.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
4. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
5. Губанова Н. Г. Категория волонкативности в разноструктурных языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2006. 26 с.
6. Корди Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. М.: Издательство УРСС, 2004. 168 с.
7. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения. Грамматические категории слова и предложения. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 95 с.
8. Матвеева А. С. Функционально-семантические направления в современной лингвистике // Молодой ученый. 2014. № 11. С. 342-344.
9. Плуноян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

LEXICAL MEANS OF EXPRESSION OF DESIRABILITY IN THE FRENCH LANGUAGE

Chapaeva Lyudmila Georgievna, Ph. D. in Pedagogy
Orenburg State University
chapaevalg@rambler.ru

The article examines the semantic content and functional status of desirability, presented in the body of four notions – the expression of will, the volunative, the desirative, the optative. The desirability is examined considering pragmatic factors, conditioned by the interaction between interlocutors, the content of statement and reality. Five groups of lexical means of expression of desirability in the French language are revealed, their nomenclature and peculiarities of their use in the situations of communication are defined.

Key words and phrases: desire; desirability; expression of will; the volunative; the desirative; the optative; functionally-semantic field; lexical means of expression.

УДК 81'22:26

Буддийские термины, как и лексика других религиозных конфессий, ныне востребованы, но большинство носителей бурятского языка мало знакомо с ними. По мнению автора, буддийскую терминологию следует изучать как стройную целостную систему, которую образуют тематические группы, подгруппы и микро-системы, при этом раскрывая их фонетико-морфологические и словообразовательные особенности. Ставится также задача исследования способов передачи на русском языке буддийских названий и терминов.

Ключевые слова и фразы: буддийская лексика; буддийская терминология; тематические группы; перевод; русский язык; бурятский язык.

Шагдарова Дарима Лубсандоржиевна, д. филол. н.
Бурятский государственный университет
smih1@mail.ru

БУДДИЙСКАЯ ЛЕКСИКА И ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00356.

Буддийские слова и термины, считавшиеся раньше безнадежно устаревшими, ныне вновь востребованы, поэтому задача систематизации и изучения буддийской лексики становится весьма актуальной, ибо большинство носителей бурятского и русского языков, в частности, Бурятии мало знакомы с ней.

В монгольских языках, в том числе в бурятском, буддийские термины считались священными, не подвергались большим изменениям и в абсолютном большинстве заимствовались главным образом из тибетского языка, относящегося к иной, чем монгольские языки, семье, а именно сино-тибетской, и поэтому имеющего отличную от них фонетическую систему. По этой причине процесс субституции является основным фактом, сопровождавшим вхождение заимствованных буддийских слов, в частности, в бурятский язык. В бурятоведении в специальных работах Н. А. Хазуева [6], Ц. Б. Цыдендамбаева [7], Л. Б. Будажаповой [3] показано, каким образом тибетские заимствованные слова в бурятском языке изменяют свой фонетический облик согласно произносительным нормам этого языка. При этом приводятся тибетские слова в оригинальном написании или в транслитерации.

Заимствованные буддийские собственные и нарицательные имена подвергаются грамматической адаптации, т.е. полностью подчиняются грамматическим законам бурятского языка. Буддийские термины-имена, как и все существительные в бурятском языке, обладают категориями склонения, числа и притяжания.

Несмотря на то, что прошло уже довольно много времени (почти 400 лет), как начали заимствоваться буддийские термины, в написании их до сих пор наблюдается целый ряд варьирований. И такую вариативность авторы объясняют тем, что слова поступали в наш язык разными путями: непосредственно из тибетского языка или через язык-посредник, в роли которого выступал старописьменный монгольский язык, или, если слово заимствовалось из санскрита, посредником выступал тибетский язык.

Войдя в систему бурятского языка, иноязычное слово не только адаптируется фонетически и грамматически, но оно также приспособливается к семантическим законам бурятского языка. Постепенно слово расширяет сферу своего употребления в литературном языке, где оно иногда получает новое значение (напр., слово *хурал*, имеющее значение «дацанский молебен», ныне стало употребляться еще в значении «законодательный орган власти» (бурятский парламент)). Некоторые слова, имевшие ранее только религиозное значение, выдвинулись в разряд стилистически приподнятой лексики: напр., *мандал* – металлический круг из кованого золота, серебра или меди, на котором изображалась Вселенная в буддийском понимании (в середине гора Сумеру, на четырех ее сторонах четыре мира и т.д.), в литературном языке приобрело возвышенное значение «алтарь»: *эх оронойнгоо мандалда* – на алтарь отечества. Многие слова стали употребляться переносно, в результате происходило расширение синтагматических связей слов. Например, Хоца Намсараев в поэме «Үбгэн гэлэнэй үгэ» («Слово старого гэлэна») употребляет буддийские термины метафорически, в частности, изображая, как конь гэлэна был съеден волком: «Мордохо тээшээ түхээржэ, / Мориёо бэдэрэн ошоходом... Хүлөө тээхэ хүлэгтэм / Хүбшын шоно ламатаад, / Хоёр хирээ гэгьгэтэй, / Хоёр шаазгай унзадтай / Бурхан болохо харгыгаар / Боди мурьень зоруулжа байхадань...» [5, с. 368]. / «Собрался я отправиться дальше, / Коня своего искать пошел... / Но над аргамаком моим / Ламствовал таёжный волк, / А гэбкочьями ему служили два ворона, / Двадцать сорок запевалями. / Отправляли они его по праведному пути, / По пути превращения в божество» (перевод Л. Д. Шагдарова). Далее Л. Д. Шагдаров раскрывает значение терминов *ламатаха*, *гэбгы*, *унзад*: «Здесь расправу волка над конем Х. Намсараев обозначает глаголом *ламатаха* “ламствовать”, наблюдающихся при этом двух воронов называет *гэбкочьями*, имеющим значение “блюстителя благочиния, следящий за порядком во время богослужения”, сорок называет *унзатами*, т.е. запевалями на богослужениях, а сам процесс умерщвления представляет как отправление коня по праведному пути в нирвану» [9, с. 180].

Буддийские термины, входя в язык, объединяются в тематические, лексико-семантические группы, вступая в синонимические, антонимические и гиперо-гипонимические отношения. Перед бурятоведами стоит задача классифицировать эти термины, прежде всего, по тематическим группам. Систематизация фактического материала в этом плане позволяет выделить, например, следующие тематические группы: термины, обозначающие общие буддийские понятия (напр., *буян* «добродетель, благодеяние», *нүгэл* «грех», *даяан* «созерцание», *хүнэнэн* «душа» и др.); термины, относящиеся к духовенству (напр., *хубараг* «послушник», *шэрээтэ* «настоятель ламастского дацана»); термины, относящиеся к буддийскому ритуалу (напр., *хурал* «массовое ламское богослужение», *жасаа* «ежегодный ритуальный молебен, посвященный хранителям очага»); термины, относящиеся к культовым предметам (напр., *дамаари* «молитвенный барабанчик», *бойтуур* «кадило»), и термины, относящиеся к архитектуре буддийских храмов (напр., *дасан* «дацан», *дуган* «молельня», *субарга* «ступа» и др.).

При этом внутри тематической группы выявляются подгруппы. Например, тематическая группа, объединяемая интегральной архисемой «духовенство», подразделяется на следующие подгруппы: а) названия санов, ученых степеней и должностей у духовных лиц; б) названия, относящиеся к одеянию, пище и трапезе служителей культа.

Эти подгруппы, в свою очередь, разбиваются на мелкие группы. Например, рассматриваются в одной мини-группе названия ученых степеней лам, в другой – названия должностей, в отдельных мини-группах – названия одеяний, пища и т.д. Например, названия санов и ученых степеней лам: *банди* (самая низшая ступень посвящения), *гэнин* (начальная ступень), *гэсэл* (средняя ступень, гэсэл соблюдает обет из 36 пунктов), *гэлэн* (высшая ступень посвящения, соблюдает 253 обета), *гэбшэ* (ступень, получаемая после сдачи экзаменов по двум дисциплинам цаннита – по логике и парамите), *габжа* (ступень, присуждаемая ламе после окончания им полного курса цаннитской школы и выдержавшему специальный диспут-экзамен), *лхаарамба* (присваивалась только в Лхасе после диспута-экзамена на общем хурале цаннит-дацанов), *дооромбо* (присваивается в таком же порядке только в монастырях Лхасы, а также в Гумбуме и Лавране). Имеются еще ученые степени *аграмба* (присваивается специалисту по тарни-заклинаниям), *гаарамба* (присваивается окончившему 13 курсов цаннита), *маарамба* (присваивается окончившим манба – медицинскую школу), *зээрэмбэ* (присваивается зурхайчи-ламам, окончившим астрологическую школу). Родовые названия часто имеют видовые разновидности. Например, живые существа подразделяются на 6 видов (*эхэ зургаан зүйл хамаг амитан*): *тэнгэринэр* «небожители», *асаринар* «асуры», *хүнүүд* «люди», *адагуусан* «животные», *бирэд* «преты» и *тамьнхид* «обитатели ада». В зависимости от своей кармы живые существа перерождаются в виде одного из этих существ.

Поскольку подобного рода термины употребляются в заимствованном виде, перед бурятскими лексикографами стоит задача растолковать их на бурятском языке. Из 6 видов живых существ читателям понятны слова: *хүнүүд* ‘люди’, *адагуусан* ‘животные’, *тамьнхид* ‘обитатели ада’, *тэнгэринэр* ‘небожители’. Требуют объяснения термины: *асаринар* (*асууринар*): *асуры* – небесные демоны, агрессивные существа, обитающие в пещерах горы Сумбэр; *бириты* (*преты*) – вечно голодные человекоподобные существа с огромными животами, с узким горлышком.

В словарях и лексикологических работах предстоит раскрыть значение каждого из терминов, входящих в эти тематические группы, подгруппы и микросистемы, выявить их словообразовательные возможности. В результате такого описания буддийская терминология, употребляемая в современном бурятском литературном языке, должна предстать как стройная целостная система. Семантические поля, в которые объединяются тематические группы с подгруппами, свидетельствуют о богатстве и разветвленности буддийской терминологии.

Буддийские термины обозначают национально-специфические реалии, которые можно встретить в языке каждого народа. Так как они относятся к безэквивалентной лексике, переводчик сталкивается с трудностями их передачи на другой язык. Если их оставить без перевода, это нанесет ущерб понятности, доступности текста, а в литературном произведении – его художественности. Поэтому часть этих слов-реалий переводится. В этом случае обычно используется слово, обозначающее нечто близкое по функции к иноязычной реалии. Часто оно конкретизируется. Например, М. Степанов слово *дасан* переводит словом «монастырь»: «Как-то в жаркий летний день в монастырь к одному ламе пришли гости» [4, с. 219]. Можно это слово оставить без перевода, так как оно известно широкому кругу людей. Оба варианта приемлемы, но более предпочтителен второй. А вот синонимичное ему слово *хурээн*, которое не имеет такого широкого распространения, можно и перевести словом «монастырь».

В большинстве случаев переводчики с бурятского языка на русский приводят слово-реалию, а через тире дают к ней комментарий. Например, переводчик Н. Рыбко так комментирует реалии в тексте: «Модо угалзатуулжа хиилзэн ехэ дасанай үүдэндэ уданшьегүй үй түмэн зон сугларшоод байгаа һэн. Эгээл урда захаарнь дасанай ламанар, дээдэ зиндаагай баяд ноёд олбог дээгүүр жэрылдэн хууба» [2, с. 4]. / «Уже через несколько минут на площади собралась огромная толпа. Возле дверей храма, украшенных резьбой, на олбоках – маленьких тюфячках, обшитых дорогой материей, – восседали ламы» [1, с. 7]. Далее *олбок* идет без комментария: «Тиин олон дабхар олбог дээгүүр хууһан баяд ноёдой арада ерээд, зогсошобо» [2, с. 4]. / «И вот он уже приблизился к чиновникам и богачам, сидящим на олбоках» [1, с. 7]. В сносках Рыбко поясняет такие слова: «орхимжо – полоса материи, которую буддийские монахи надевают на плечи» [Там же, с. 9], «хурдэ – молитвенный цилиндр, вращаемый по ходу солнца, т.е. по часовой стрелке. Внутри хурдэ закладываются священные письмена» [Там же, с. 53], «война Шамбалы – по буддийскому учению, настанет время, когда все живущие на земле люди начнут воевать друг с другом. Это и будет война Шамбалы» [Там же, с. 72], «Ум-мани-пад-май-хум – мистическая формула, начало молитвы. В переводе означает: "О сокровище лотоса!". По верованию буддистов, трон Будды покоится на цветке лотоса» [Там же, с. 200], «субурган – памятник» [Там же, с. 276].

Как видим, комментарии Н. Рыбко весьма содержательны, в общем, научно правильны и необходимы. Многие из этих слов трудно найти в общих словарях бурятского и русского языков. Например, слово *субурган*, толкование которого как «памятник» вызывает некоторое сомнение, отсутствует в русско-бурятском словаре под этим словом. А в словаре Черемисова оно переводится как «субурган, ступа, "чайтя"» [8, с. 395]. Однако всех этих слов нет не только в русско-бурятском, но и в толковых словарях русского языка. Поэтому даже такое толкование данного слова, как "памятник", вполне приемлемо для первоначального представления. Конечно, при более строгом подходе с позиции научного востоковедения в их толкованиях можно обнаружить и неточности [10, с. 208].

Обобщая сказанное выше, можно прийти к такому выводу. Для передачи буддийских реалий бурятские переводчики прибегают к следующим приемам:

1) слово заимствуется без изменений: хубарак – хуварак, лама – лама, дацан – дацан, дамаари – ламский барабанчик, бубен, ошор – ваджра;

2) слово также заимствуется, но сопровождается пояснением в сносках или в самом тексте (олбоки – маленькие тюфячки, обшитые дорогой материей);

3) дается описательный перевод на старомонгольский (бурятский) язык: Бхагават – Илажа түгэс нүгшэгсэн. Это эпитет Будды. При переводе данного санскритского слова компоненты трактуются так: «*илажа*» означает 'победивший все земные страсти', «*түгэс*» – 'совершенный во всех отношениях', «*нүгшэгсэн*» – отрешившийся от страданий, связанных с рождением, болезнью, старостью, и победивший привязанность к этому миру;

4) используется слово, обозначающее что-либо близкое к иноязычной реалии: *ород лама* (досл. русский лама) – поп, *лалын шажанай лама* (досл. мусульманской религии лама) – мулла, *иудей шажанай лама* (досл. иудейской религии лама) – раввин, т.е. слово *лама* определяется словами, обозначающими религию.

Не очень рекомендуется последний способ, ибо в этом случае смазываются различия между национально-специфическими реалиями. И использование того или иного приема зависит от условий конкретного текста.

В последнее время переводится на русский язык очень много буддийских источников и даются обширные комментарии к ним, активно вводятся в научный оборот буддийские термины. И хотя Республика Бурятия – буддийский регион, тем не менее на бурятском языке буддийская терминология слабо разработана, мало переводов. И в этом плане еще много нерешенных проблем стоит перед исследователями буддийской лексики обоих языков.

Список литературы

1. **Батожабай Д.** Похищенное счастье: роман / авториз. пер. Н. Рыбко. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1960. Кн. I. 408 с.
2. **Батожабай Д.** Төөригдээн хуби заяан. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1959. 340 с.
3. **Будажанова Л. Б.** Буддийские термины в современном бурятском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2000. 19 с.
4. **Намсараев Х.** На утренней заре. Так было. Однажды ночью. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 313 с.

5. **Намсараев Х.** Собрание сочинений: в 5-ти т. Улан-Удэ: Бурят. книжн. изд-во, 1958. Т. 2. Стихи и поэмы. 446 с.
6. **Хазуев Н. А.** Лексико-семантическая характеристика тибетских заимствований в бурятском языке // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1978. С. 56-68.
7. **Цыдендамбаев Ц. Б.** Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ: Бурят. книжн. изд-во, 1972. 664 с.
8. **Черемисов К. М.** Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.
9. **Шагдаров Л. Д.** Буддийская лексическая система в современном бурятском литературном языке // Вестник БНЦ СО РАН. 2011. № 3. С. 177-184.
10. **Шагдарова Д. Л.** Сопоставительно-типологическое исследование лексико-фразеологических систем бурятского и русского языков (на материале переводов и двуязычных словарей). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2003. 298 с.

BUDDHIST VOCABULARY AND TERMINOLOGY AND PROBLEM OF ITS TRANSLATION

Shagdarova Darima Lubsandorzhiyevna, Doctor in Philology
Buryat State University
smih1@mail.ru

Buddhist terms, alongside with a vocabulary of other religious confessions, are relevant nowadays, but most of the native speakers of Buryat are not familiar with them. According to the author, Buddhist terminology should be studied as a harmonious integrated system which is formed by the thematic groups, subgroups and micro-systems, revealing their phonetic and morphological and word-formative peculiarities. The paper focuses on the means to transfer the Buddhist names and terms into the Russian language.

Key words and phrases: Buddhist vocabulary; Buddhist terminology; thematic groups; translation; Russian language; Buryat language.

УДК 81'23

Представленная статья посвящена исследованию восприятия базисных частей речи в текстах художественного функционального стиля. Целью исследования является выявление градации перцепции имен существительных, глаголов, имен прилагательных и наречий. В работе описывается проведение констатирующего психолингвистического эксперимента и представляется детальный анализ экспериментальных данных. На основании полученного материала автором выявлена тенденция восприятия базисных частей речи носителями английского языка, в чем заключается научная новизна исследования.

Ключевые слова и фразы: часть речи; художественный стиль; психолингвистический эксперимент; восприятие; функциональный стиль.

Щербакова Мария Васильевна, к. филол. н.
Оренбургский государственный университет
blackorchid777@rambler.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРЦЕПЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ

Данная статья посвящена исследованию восприятия базисных частей речи в текстах художественного функционального стиля.

Современное языкознание характеризуется установлением междисциплинарных связей. Данный процесс расширяет границы изучения как текста, так и его составляющих.

Исследование восприятия элементов текста, выраженных частями речи, носит экспериментальный характер и позволяет выявить тенденцию их перцепции в аспекте психолингвистики. В статье предпринимается попытка выявить роль лингвистического аспекта текста в процессе его восприятия. Таким образом, актуальность статьи обусловлена возрастающим интересом к интеграции смежных дисциплин.

В современной грамматике существует несколько классификаций частей речи. «Части речи – классы слов, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств» [7, с. 578]. В статье рассматриваются базисные части речи, С. Д. Кацнельсон определяет их как «совпадающие в грамматических классах слов различных языков» [3, с. 175], к ним относятся: имена существительные, глаголы, имена прилагательные, наречия.

В основе проводимого нами психолингвистического эксперимента лежит методика дополнения, которая впервые была использована Уильямом Тейлором в 1953 году и впоследствии описана в работе В. П. Белянина «Психолингвистика» [1]. Сущность методики состоит в деформации сообщения, то есть в пропуске отдельных слов, и последующем его предъявлении испытуемым для восстановления. В текстах экспериментального материала расстановка пропусков лексем осуществляется в случайном порядке в соответствии с алгоритмом методики дополнения, описанным П. Реймонд [11].

В психолингвистическом эксперименте приняли участие студенты и работающие жители США, Великобритании, Канады и Австралии. Общее количество реципиентов составило 57 человек. Возраст испытуемых варьировался от 18 до 60 лет. Реципиенты принадлежат к разным социальным группам. Привлечение реципиентов из разных социальных групп эксплицируется тем, что трансформация сознания индивида, а соответственно,